

**Третий тур заключительного этапа
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию
2012 г.**

9–11 КЛАССЫ

Дорогие участники олимпиады, вам на выбор предлагаются тексты, относящиеся к различным областям обществознания и обозначенные разными буквами (соотнесенность дисциплин и букв приведена ниже).

Вы должны выбрать одни из текстов по своему усмотрению и выступить **оппонентом** автора текста. Вам надлежит **подвергнуть критике** содержащуюся в тексте авторскую позицию, **опровергнуть** аргументы автора, если сумеете, **предложить альтернативное решение** рассматриваемой проблемы.

Удачи!

К — культурология

П — политология

С — социология

Ф — философия

Э — экономика

Ю — юриспруденция

K

Водоворот глобального туризма бесчисленными способами втягивает в себя людей и места. «Глобальное» и «туризм» — не два отдельных понятия, соединенные при помощи каких-то внешних связей.... Здесь можно усмотреть аналогию с другими глобальными гибридами, такими как Интернет, автомобилизм, всемирная финансовая система и т.д., которые развиваются, преобразуя и воспроизводя «глобальное».

...Краеугольный камень туризма — желание непосредственно присутствовать где-либо, — будь то город, наделенный особым статусом в индустрии глобального туризма, или просто уголок земли, о котором рассказывал приятель. Места надо увидеть и прочувствовать «самому»: встретиться в том доме, где прошло чье-то детство, или посетить определенный ресторан, прогуляться по берегу именно этой реки и обязательно вскарабкаться именно на этот холм, и, конечно, все лично сфотографировать. Сопричастность подразумевает, что вы увидите, дотронетесь, услышите, ощутите запах или вкус конкретного места.

Еще один вид путешествия связан с желанием увидеть некое «живое» событие, которое должно произойти в какой-то определенный момент. Например, политическое или художественное действие, праздник или спортивное соревнование. Каждое событие рождает интенсивное чувство сопричастности, — концерт Мадонны или похороны принцессы Дианы, Международная выставка или Олимпийские игры. Ни одно из них не может быть «пропущено»; они приводят в движение огромные массы людей, желающих «живьем» захватить особое мега-событие, происходящее в одном из городов.... Они создают пространственно-временные моменты глобального уплотнения, при этом события локализуются в «уникальных местах, ставшими таковыми именно из-за неповторимого события». Поэтому данные места могут «трансформироваться» из захолустных уголков в специальные «города-хозяева», которые обретают новую нишу в системе глобального туризма.

Тяга к соприсутствию почти всегда подталкивает человека путешествовать по иным территориям, заставляет стремиться к визуально отличающимся пейзажам или к «живым» событиям, покорять определенную вершину, блуждать «одиоко, словно облако», переправляться по бурлящей воде на плоту и т. д. Такие телесно опосредован-

ные практики возможны только в специфическом, специализированном «месте для досуга», географически отдаленном от работы и дома...

Все, о чем говорилось выше, указывает на чрезвычайно глубокие взаимосвязи «туризма» и «культуры» в подвижном мире. Путешествуют не только туристы, но и предметы, культуры и образы. Кажется даже, что существует более общая «мобильная культура», которая происходит от «принуждения к мобильности». Культуры стали настолько мобильными, что современные горожане не ставят под сомнение свое право проникать в другие места и в иные культуры... Принадлежность к культуре почти всегда предполагает путешествия. Они, развивая и поддерживая культуру, принимают разные формы. Это и паломничества к сакральным местам, к определенным письменным или визуальным текстам, и поездки по маршрутам, связанным с ключевыми историческими событиями, и путешествия ради того, чтобы увидеть известных людей или свидетельства их жизни, познакомиться с другими культурами, чтобы сильнее ощутить собственную культурную принадлежность.

«Национальное» может быть удобной точкой отсчета для того, чтобы проследить, что значит путешествие для культуры, и как культуры путешествуют. Национальные истории рассказывают о движении людей сквозь прошлое; часто начало такого рассказа теряется в тумане времени. Многие в истории традиций и символов «изобретено» и является как результатом забывания прошлого, так и воспоминания о нем. Европа конца XIX в. — это период примечательного конструирования национальных традиций. Например, во Франции День взятия Бастилии был учрежден в 1880 г., Марсельеза стала национальным гимном в 1789 г., 14 июля было объявлено национальным праздником в 1880 г., а Жанну Д'Арк католическая церковь извлекла из небытия только в 1870-х г. В более общем смысле, идея «Франции» была расширена благодаря «процессу, сходному с колонизацией, средствами коммуникации (дороги, железные дороги и газеты), так что к концу XIX века народная и элитарная культуры встретились» в результате разнообразных движений. Одним из ключевых моментов в этом процессе явилось массовое производство публичных памятников, увековечивавших нацию, особенно в перестроенном Париже. К этим монументам путешествовали, их рассматривали, о них

говорили, ими делились с другими при помощи рисунков, картин, фотографий, фильмов и европейской индустрии туризма.

Первым национальным туристическим событием стала Великая Выставка 1851 г. в лондонском Хрустальном Дворце. С тех пор туризм превратился в коллективное предприятие, выполняя роль стимула для нации. В то время население Британии составляло восемнадцать миллионов; из них шесть миллионов посетило Выставку, причем многие воспользовались новой железной дорогой, чтобы впервые попасть в столицу. Во второй половине XIX в. похожие мега-события происходили по всей Европе, и они в отдельных случаях привлекали до 30 миллионов человек. Считается, что Международная Выставка столетия в Мельбурне 1888 г. собрала две трети населения Австралии. Ее посетители, австралийцы и приезжие, были призваны подтвердить не только достижения, но и характерные черты этой страны. Особую роль для складывания национального самосознания сыграли создание национальных музеев, успехи национальных художников, архитекторов, музыкантов, драматургов, романистов, историков и археологов.

За последнее время мир превратился в глобальную сцену, на которую вышли почти все нации, соревнуясь в желании обратить на себя внимание и привлечь как можно больше туристов. В этом плане особенно показательны такие интернациональные мега-события как Олимпийские игры, соревнования за Мировые кубки и Международные выставки, ставшие предпосылкой массового туризма и космополитизма. Они свидетельствуют о том, что национальная идентичность теперь все чаще определяется в терминах не только локальной, но и глобальной сцены. Именно такая сценичность облегчает как телесное, так и воображаемое путешествие к мега-событиям внутри глобального порядка.

π

Я полагаю, что в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями — это и есть линии будущих фронтов [...]

Что имеется в виду, когда речь идет о цивилизации? Цивилизация представляет собой некую культурную сущность. Деревни, регионы, этнические группы, народы, религиозные общины — все они обладают своей особой культурой, отражающей различные уровни культурной неоднородности. Деревня в Южной Италии по своей культуре может отличаться от такой же деревни в Северной Италии, но при этом они остаются именно итальянскими селами, их не спутаешь с немецкими. В свою очередь европейские страны имеют общие культурные черты, которые отличают их от китайского или арабского мира.

Тут мы доходим до сути дела. Ибо западный мир, арабский регион и Китай не являются частями более широкой культурной общности. Они представляют собой цивилизации. Мы можем определить цивилизацию как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей. Следующую ступень составляет уже то, что отличает род человеческий от других видов живых существ. Цивилизации определяются наличием общих черт объективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, институты, — а также субъективной самоидентификацией людей. Есть различные уровни самоидентификации: так житель Рима может характеризовать себя как римлянина, итальянца, католика, христианина, европейца, человека западного мира. Цивилизация — это самый широкий уровень общности, с которой он себя соотносит [...]

Идентичность на уровне цивилизации будет становиться все более важной, и облик мира будет в значительной мере формироваться в ходе взаимодействия семи-восьми крупных цивилизаций. К ним относятся западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская,

православно-славянская, латиноамериканская и, возможно, африканская цивилизации. Самые значительные конфликты будущего развернутся вдоль линий разлома между цивилизациями. Почему?

Во-первых, различия между цивилизациями не просто реальны. Они — наиболее существенны. Цивилизации несхожи по своей истории, языку, культуре, традициям и, что самое важное, — религии. Люди разных цивилизаций по-разному смотрят на отношения между Богом и человеком, индивидом и группой, гражданином и государством, родителями и детьми, мужем и женой, имеют разные представления о соотносительной значимости прав и обязанностей, свободы и принуждения, равенства и иерархии. Эти различия складывались столетиями. Они не исчезнут в обозримом будущем. Они более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами. Конечно, различия не обязательно предполагают конфликт, а конфликт не обязательно означает насилие. Однако в течение столетий самые затяжные и кровопролитные конфликты порождались именно различиями между цивилизациями.

Во-вторых, мир становится более тесным. Взаимодействие между народами разных цивилизаций усиливается. Это ведет к росту цивилизационного самосознания, к углублению понимания различий между цивилизациями и общности в рамках цивилизации [...]

В-третьих, процессы экономической модернизации и социальных изменений во всем мире размывают традиционную идентификацию людей с местом жительства, одновременно ослабевает и роль нации-государства как источника идентификации. Образовавшиеся в результате лакуны по большей части заполняются религией, нередко в форме фундаменталистских движений. Подобные движения сложились не только в исламе, но и в западном христианстве, иудаизме, буддизме, индуизме [...]

В-четвертых, рост цивилизационного самосознания диктуется раздвоением роли Запада. С одной стороны, Запад находится на вершине своего могущества, а с другой, и возможно как раз поэтому, среди незападных цивилизаций происходит возврат к собственным корням. Все чаще приходится слышать о “возврате в Азию” Японии, о конце влияния идей Неру и “индуизации” Индии, о провале западных идей социализма и национализма и “реисламизации” Ближнего Востока, а в последнее время и споры о вестернизации или же русифика-

ции страны Бориса Ельцина. На вершине своего могущества Запад сталкивается с незападными странами, у которых достаточно стремления, воли и ресурсов, чтобы придать миру незападный облик [...]

В-пятых, культурные особенности и различия менее подвержены изменениям, — чем экономические и политические, и вследствие этого их сложнее разрешить либо свести к компромиссу. В бывшем Советском Союзе коммунисты могут стать демократами, богатые превратиться в бедных, а бедняки — в богачей, но русские при всем желании не смогут стать эстонцами, а азербайджанцы — армянами.

В классовых и идеологических конфликтах ключевым был вопрос: “На чьей ты стороне?” И человек мог выбирать — на чьей он стороне, а также менять раз избранные позиции. В конфликте же цивилизаций вопрос ставится иначе: “Кто ты такой?” Речь идет о том, что дано и не подлежит изменениям. И, как мы знаем из опыта Боснии, Кавказа, Судана, дав неподходящий ответ на этот вопрос, можно немедленно получить пулю в лоб. Религия разделяет людей еще более резко, чем этническая принадлежность. Человек может быть полу-французом и полу-арабом, и даже гражданином обеих этих стран. Куда сложнее быть полу-католиком и полу-мусульманином.

C

... [Средний класс] представляет собой группу, границы которой не вполне ясны, группу, состоящую из столь различных элементов, что между ними не сразу можно обнаружить общее. Возьмем определение, данное Франсуа Симианом: «Под средним классом следует понимать устойчивую категорию людей, взятых вместе с семьей, имеющих доходы, а часто и земельное владение среднего уровня, группу, занимающую промежуточное положение между высшим социальным классом и классом рабочих и служащих. Эта категория относится скорее к населению городов, в особенности малых. Данная группа включает высшие слои ремесленников, малых и средних коммерсантов и промышленников, часть представителей либеральных профессий и средних чиновников».

Можно ли сказать, что это разнородная масса обнаруживает общее сознание? Если мы возьмем большие категории, между которыми распределяется вся эта совокупность, мы заметим, что между ними существует, быть может, даже больше отличий, чем между ними и высшим либо низшим классом.

Возьмем для начала ремесленников, высших, средних и мелких коммерсантов. Они, безусловно, относятся к среднему классу... В противоположность служащим и чиновникам, они являются самостоятельно работающими людьми, то есть по отношению к другим они — независимые экономические агенты. Впрочем, есть крупный фрагмент деятельности ремесленника, который часто сближает его с рабочим классом, поскольку многие ремесленники занимаются ручным трудом... Коммерсантам и ремесленникам приходится заниматься также торговыми функциями: нужно покупать сырье, находить рынки сбыта для своего товара. Им приходится управлять небольшим капиталом, а также заниматься финансовой стороной деятельности предприятия...

Служащие ... [это собственно] служащий, рассыльный, инженер, продавец, бухгалтер, секретарь, переписчик, машинистка и прочие категории — то есть множество различных профессий. Однако ... они высказывают немалое внешнее сходство и образуют своего рода единство, поскольку не обладают экономической независимостью и являются подчиненными либо к своим хозяевам, либо организациям и тем самым приближаются к рабочим...

На верхней ступеньке лестницы ... не только инженеры, но и заместители директора, старшие служащие, наделенные определенными

полномочиями, но и торговые директора, старшие продавцы в магазинах, торговые агенты, а также высший персонал банков. У них довольно широкая техническая компетентность, и они могли бы легко заменить руководителей предприятий. И действительно, во многих делах они их замещают, осуществляя руководство и технический контроль.

Служащих нижней части лестницы характеризует отсутствие инициативы, ответственности — тем самым они отличаются от ремесленников, которые отвечают за свое дело. Но это несправедливо в отношении служащих более высоких категорий, которые иногда обладают большой инициативой в тех пределах, которые предоставляет руководитель. То есть по роду своей деятельности, по требуемым от них качествам, а также по уровню доходов (которые во многих случаях высоки), можно сказать, что эта часть группы служащих очень близко подходит к буржуазии...

Чиновники: в этой категории выделяются высшие, средние и мелкие. Средние и мелкие чиновники относятся к среднему классу...

...Чиновники лишены инициативы и свободы. В гораздо большей степени, нежели служащие в торговле и промышленности, чиновники вынуждены подчиняться достаточно жесткому регламенту. Итак, незначительной долей инициативы, малой свободой многие категории чиновников в определенной мере походят на те группы рабочих, которым на заводе приходится подчиняться строгой дисциплине. В некоторых случаях такие категории мелких чиновников можно рассматривать как приближающиеся к рабочему классу — по роду занятий и малым доходам. Но есть и чиновники более высокого уровня. Хотя они и могут подчиняться частным лицам, в конечном счете они служат обществу и государству.

...

Как можно определить теперь все эти группы, чтобы усмотреть в них некое единство? Заметим, что все названные категории, относимые к одной группе под рубрикой «средний класс», какими бы они ни были, характеризуются тем, что их деятельность — прежде всего *техническая*, предполагающая практическое знание некоторого числа правил, точнее, верное их исполнение, но не более того.

...Итак, существует целый ряд видов деятельности — очень важных, поскольку они воспроизводятся во множестве областей соци-

альной жизни и часто повторяются в течение всего дня, — которые основаны на том, что социальные группы, с которыми они имеют дело, представляют собой не совокупности людей, каждый из которых интересен сам по себе, но единицы некоторой категории, с которыми можно обращаться как с материальными вещами.

Те, кому приходится — как служащим и мелким чиновникам — заниматься техническими операциями подобного рода, и даже служащие рангом пониже, которые ограничиваются их исполнением без особых размышлений и без реально инициативы, все же отличаются от рабочих, которые своей техникой воздействуют лишь на неподвижную материю, а не на материализованную человеческую. Отсюда следует, что в обществе, которое заинтересовано прежде всего в социальных и человеческих отношениях, служащие занимают более высокое социальное положение, чем рабочие.

...Служащий сам замечает: то, с чем он работает, — это все же не совсем вещи, а люди. Он может быть вежливым или невежливым, он может стараться угодить клиентам, оказать им некоторые услуги, дать им какие-то советы, не выходящие за рамки его узкой компетенции, может помочь им выиграть время. Однако основное в их деятельности — это отношение к людям как к вещам. Вот почему это категория более высокого уровня, чем рабочие, но более низкого, чем буржуазия.

[Представитель среднего класса находится] вне класса буржуазии, поскольку его деятельность носит прежде всего технический характер и не предполагает наличия качеств, необходимых для выполнения функций буржуазии.

Вот каково общее определение средних классов. Имеются особые причины существования среднего класса, так как помимо чистой инертной материи и людей, наделенных личностными и человеческими качествами, существует промежуточная зона или область, в которой люди, а еще более группы, предстают отчасти в механической и материальной форме. Поскольку существуют виды деятельности, приложимые к этому материальному аспекту человечества, они естественным образом занимают промежуточное положение между классами буржуазии и рабочих. Этим же объясняется то обстоятельство, что этот класс порой склонен полагать, будто его социальная функция сближает его с группой рабочих, а порой, наоборот, делает усилие,

чтобы отличаться от нее, укрепить связи, соединяющие его с буржуазией.

Так объясняется то, что средние классы не обладают инициативной ролью в эволюции, хотя проявляют замечательную способность к сопротивлению и выживанию во время и впоследствии многих кризисов и экономических преобразований, которые являются для них тяжелым испытанием. Эти классы не доминирующие, но доминируемые, направляемые значительными экономическими изменениями. Согласно замечанию Токвиля, дух среднего класса «в соединении с духом народа или аристократии [теперь мы говорим “буржуазии”] может творить чудеса, но сам по себе он никогда не даст ничего, кроме правления [или цивилизации] без доблести и размаха».

ø

Теоретическая философия, отвечая чисто умственному интересу, **ставит вопрос об истине в ее отношении к знанию**, или рассматривает свой предмет не со стороны его нравственного или вообще практического, а лишь со стороны его умственного достоинства, которое состоит прежде всего в достоверности; и **так как предмет не существует для нас иначе, как чрез наше знание о нем, то вопрос о достоверности предмета есть собственно вопрос о достоверности знания о нем.**

Существует множество различных знаний — житейских, научных, религиозных, имеющих свою относительную достоверность, совершенно достаточную для практических целей. Но основной вопрос теоретической философии имеет в виду **достоверность самого знания по существу. Знанием вообще называется совпадение данной мысли о предмете с его действительным бытием и свойством.** Каким образом возможно вообще такое совпадение и чем удостоверяется его действительность в каждом случае? Несомненно, мы обладаем некоторым родом знания, **достоверность которого безусловна и не подлежит добросовестному оспариванию; такое знание мы и должны взять исходной точкой при разрешении гносеологической задачи.** Но при этом нужно быть осторожным. Нельзя начинать с какого-нибудь отвлеченного определения этого рода знания, ибо ко всякому такому определению непременно примешиваются предвзятые понятия и взгляды, которые сделают наше рассуждение в лучшем случае неудовлетворительным, а в худшем — обманчивым. Начиная с общего определения, мы волей-неволей нарушим основное требование добросовестного мышления — **не допускать произвольных или непроверенных предположений.** Всякая отвлеченная формула имеет слишком растянутую границу, и нет возможности закрыть ее для мыслей-контрабандисток, которые вместе с несомненно законным всегда готовы провести и неоправданные на умственной таможене истины, и даже прямо фальшивые деньги — заблуждения. Итак, **необходимо начать сперва простым, описательным указанием основного и бесспорного знания, взявши его in concrete.**

Сегодня, после раннего обеда, я лежал на диване с закрытыми глазами и думал о том, можно ли признать подлинным Платонов диалог «Алкивиад Второй». Открыв глаза, я увидел сперва висящий на стене портрет одной умершей писательницы, а затем у противоположной стены железную печку, письменный стол и книги. Вставши и подойдя к окну, я вижу посаженные под ним турецкие бобы с красными цветами, дорожку садика, далее проезжую дорогу и за нею угол парка; является какое-то сначала неопределенное, болезненное ощу-

щение, но сейчас же определяется как воспоминание о прекрасной молодой ели в парке, которую соседний мужик Фирсан воровским образом срубил для своих личных целей; и чувствую сильную жалость к бедному дереву и крайнее негодование на глупость этого Фирсана, который легко мог бы без всякого нарушения божеских и человеческих законов добыть необходимые ему для Никольского кабака деньги, попросивши их у меня. Я решаюсь настаивать перед владельцем парка на действительных мерах для его охраны. Вид сияющего дня успокаивает несколько душевное волнение и возбуждает желание пойти в парк наслаждаться природой, но вместе с тем чувствуется расположение писать о гносеологическом вопросе; после некоторого колебания второе намерение побеждает, я иду к столу, беру перо — и просыпаюсь на диване. Придя в себя и удивившись яркости и реальности сновидения, я подошел к окну, увидел, конечно, то же, что и во сне, испытал снова те же ощущения и после некоторого колебания между двумя желаниями — идти гулять или заниматься философией — остановился на последнем и стал писать (начиная со слов «теоретическая философия, отвечая чисто умственному интересу») то, с чем сейчас познакомился читатель...

Если бы во время только что описанного сновидения меня спросили, знаю ли я, что действительно вижу то-то, думаю о том-то, я, конечно, сказал бы: да, знаю, и притом с безусловною достоверностью, не требующею доказательства. И затем, проснувшись, я должен бы был по совести подтвердить этот мой ответ относительно прошедшего сна. То, что мне виделось, не было действительностью, но **что оно мне виделось, есть факт действительный и безусловно достоверный. Во сне ли, наяву ли, испытывая известные внутренние состояния и действия (ощущения, представления, душевные волнения и т. д.), мы знаем, что испытываем их, и это знание факта, непосредственно и нераздельно связанное с самим фактом, и потому справедливо называемое со-знанием, con-scientia, должно быть признано безусловно достоверным, ибо здесь знание непосредственно совпадает со своим предметом. Пока не нарушено это тождество между сознанием и его предметом, мы не можем ошибаться.**

Э

Заработная плата рабочих. Простые и грубые работы могут быть исполнены всяким человеком, лишь бы он был жив и здоров; поддержание жизни и здоровья составляет единственное условие, чтобы эти работы исполнялись. Поэтому плата за такие работы обыкновенно нигде не поднимается выше того, что нужно для поддержания жизни, а число лиц, предлагающих свой труд, достигает уровня существующего на них спроса и очень часто превышает его, потому что нетрудно родиться на свет, а трудно существовать. Если нужно только существовать для того, чтобы исполнять ту или другую работу, и если ее достаточно для того, чтобы существовать, то всегда будет налицо и человек, способный на такую работу.

Здесь следует, однако, сделать одно замечание. Человек не рождается с теми способностями и силами, которые были бы достаточны для исполнения даже самой легкой работы. Эти способности и силы, достигающие своего развития в возрасте 15–20 лет, могут быть рассматриваемы как капитал, который образовался лишь ежегодным накоплением ... и последовательным увеличением расходов на его воспитание. Кем же были накоплены эти суммы? Обыкновенно родственниками рабочего, лицами того промысла, к которому он готовит себя, или какого-нибудь другого. Следовательно, нужно, чтобы в таком промысле рабочие получали заработную плату несколько выше той, какая требуется для простого существования, т. е. не менее того, сколько нужно, чтобы содержать себя и воспитывать детей.

Если бы самая грубая работа не давала рабочим такого заработка, чтобы они могли содержать свои семейства и воспитывать детей, то число таких рабочих оказывалось бы недостаточным. Спрос на их труд превышал бы то количество рабочих, какое предлагалось бы на рынке, и заработная плата поднялась бы тогда до того размера, при котором эти рабочие могли бы воспитывать своих детей в количестве, достаточном для того, чтобы удовлетворить существующему спросу на этот труд.

...

Когда страна клонится к упадку, когда в ней уменьшаются средства производства, падает просвещение, сокращаются производительная деятельность и капиталы, то постепенно уменьшается и спрос на простую, грубую работу. Тогда и заработная плата падает ниже того размера, какой необходим для поддержания класса чернорабочих;

число их уменьшается, и дети других разрядов рабочих, спрос на которые также пропорционально уменьшился, переходят в класс непосредственно низшего разряда. Когда же, наоборот, благосостояние увеличивается, то низшие классы не только легко пополняются сами из себя, но и снабжают своими подростками непосредственно следующие за ними высшие классы. При этом некоторые из этих подростков, более счастливые и одаренные лучшими способностями, поднимаются еще выше и часто достигают высоких степеней в обществе.

...

Заработная плата рабочего устанавливается взаимным соглашением между ним и предпринимателем: один старается как можно больше получить, другой — как можно меньше дать. ... Хозяин и рабочий одинаково нуждаются один в другом, так как первый не может получить никакой прибыли без помощи другого; но нужда хозяина не бывает так непосредственна и настоятельна, как рабочего. Мало найдется таких предпринимателей, которые не могли бы прожить нескольких месяцев и даже нескольких лет, не пользуясь трудом ни одного рабочего; тогда как мало найдется таких рабочих, которые могли бы, не рискуя дойти до последней крайности, прожить и нескольких недель без работы. Трудно представить себе, чтобы эта разница в положениях не имела никакого влияния на установление величины заработной платы.

Сисмонди предлагает несколько законодательных мер для улучшения положения рабочего класса. Он отправляется от того положения, что низкая заработная плата рабочих обращается в пользу предпринимателей, на которых они работают, и отсюда делает вывод, что в таком случае о нуждах рабочих должно заботиться не общество, а предприниматели, пользующиеся их трудом. Он настаивает на том, чтобы заставить землевладельцев и крупных фермеров содержать сельских рабочих во всякое время, а мануфактуристов — содержать тех, кто работает в их мастерских. В то же время, чтобы рабочие чрезмерно не размножались вследствие уверенности их, что они сами и их семейства обеспечены постоянным содержанием, он предоставляет предпринимателям, на которых лежало бы бремя их содержания, право разрешать или запрещать вступление их в брак.

Эти предложения, внушенные самым похвальным чувством человеколюбия, не могут, мне кажется, быть применены на практике.

Обременять один класс общества содержанием другого класса и заставлять платить заработную плату, которой не мог бы окупить никакой продукт, значило бы отказаться от всякого уважения к праву частной собственности. Еще большим нарушением этого права было бы предоставление кому бы то ни было права на личность другого, составляющую самую священную из всех собственности. ... Сверх того, неверно у Сисмонди и то положение, что если кто извлекает выгоду из низкой заработной платы, то именно предприниматели. Низкая заработная плата вследствие конкуренции понижает цену продуктов, над которыми трудятся рабочие, а следовательно, выгоду из этой дешевой цены извлекают потребители продуктов, т. е. все общество. А потому если вследствие низких цен неимущие рабочие ложатся бременем на общество, то оно вознаграждается меньшими расходами на предметы своего потребления.

Есть такие бедствия, которые прямо истекают из природы человека и вещей. Одно из таких бедствий заключается в излишке народонаселения, превосходящем средства существования. Это бедствие при всех равных условиях одинаково важно как в развитом обществе, так и среди диких племен. Обвинять в нем общественное устройство было бы несправедливо. Лстить себя надеждой, что можно освободиться от него, было бы иллюзией; работать, чтобы ослабить его, было бы благородным подвигом, но не следует хвататься за лекарства, которые ничему не помогли бы или привели бы к последствиям еще худшим, чем самое зло, которое хотят устранить.

Нет сомнения, что правительство, если только оно может сделать это, не вызывая никакого беспорядка и не нарушая свободы сделок, обязано оказать покровительство интересам рабочих, которые меньше, чем интересы их хозяев, защищены самой природой вещей. Но с другой стороны, правительство, если оно просвещено, должно стараться как можно меньше вмешиваться в дела частных лиц, чтобы бедствия естественные не усилить еще более бедствиями, происходящими от администрации.

Ю

На первый взгляд сфера права, закона и правосудия чрезвычайно отдалена от сферы игры. Ибо священная серьезность и живейшие интересы отдельного человека и общества в целом царят во всем, что касается права и правосудия. Этимологическая основа для выражения понятий «право», «суд» и «закон» преимущественно определяется словесной областью принятия, установления, указания, поддержки, порядка, выбора, разделения и объединения, установления согласия, обязывания, следования обычаю, очевидности. Все это — представления, которые обычно противоплагаются той семантической сфере, куда входят слова, относящиеся к игре. Мы, однако, уже не раз убеждались, что священному и серьезному действию ни в коей мере не противопоказана игровая окраска.

Возможность родства между игрою и правом делается для нас очевидной, как только мы замечаем, что правовая практика — другими словами, судопроизводство, независимо от того, какие идеалы положены в основание права, — носит в высшей степени состязательный характер. ... Судебный спор сторон для греков выступает как *агон* — своего рода битва, обусловленная жесткими правилами и протекающая в освященных формах, где две борющиеся стороны взывают к решению третейского судьи. Понимание процесса как состязания не должно рассматриваться как позднейшее нововведение, как перенос понятий и чуть ли не вырождение. Напротив, из агональной сущности правового спора проистекает все его последующее развитие, и этот состязательный характер продолжает жить в нем и по сей день.

Но кто говорит «состязание», говорит «игра». Ранее мы уже видели, что нет достаточных оснований отказывать какому бы то ни было состязанию в наличии еще и игрового характера. Как игровое качество, так и качество состязательности, — возносимые оба в сферу священного, как того требует для свершения правосудия всякое общество, — до сих пор пронизывают самые различные формы правовой жизни. Местом свершения правосудия является «двор». Этот «двор» все еще в полном смысле слова священный круг, где восседали видные отовсюду судьи, как это и было изображено на щите Ахилла. Всякое место, где свершается правосудие, — это подлинное *теменос*, освященное место, отрезанное, отгороженное от обычного мира. Таким образом, сначала выделяют место для суда, а затем созывают суд. Это поистине магический круг, игровое пространство, внутри которо-

го привычное деление людей по их рангу временно прекращается. На время они делаются неприкосновенными.

...

Верхняя палата английского парламента до сих пор, по существу, являет собой «двор суда», отсюда и woolsack [набитая шерстью подушка], седалище лорда-канцлера, совершенно никому не нужный предмет, считающийся к тому же «technically outside the precincts of the House» [«формально вне пределов Палаты»]...

... Итак, вернемся к архаическим формам судопроизводства. В процедуре, разворачивающейся перед лицом судьи, во все времена и при всех обстоятельствах стороны с такой силой, с такой остротой, с такой устремленностью хотят добиться победы, что агональный элемент не может быть здесь исключен ни на мгновение. При этом система ограничительных правил, которая неизменно царит в этой борьбе, формально целиком и полностью помещает ее в рамки хорошо организованной антитетической игры. И действительно, взаимосвязь права и игры в архаических культурах может быть рассмотрена под тремя разными точками зрения. Судебный процесс — как вид азартной игры, как состязание, как словесный поединок.

Судопроизводство — это спор о справедливости и несправедливости, правоте и неправоте, победе и поражении. Если мы переместим наш взгляд с правовой практики высокоразвитых форм цивилизаций на соответствующую сторону далеко не столь ушедших вперед стадий культуры, то увидим, что представление о правоте или неправоте, то есть идея этико-юридическая, как бы затмевается в сознании общества представлением о победе или поражении, то есть идеей чисто агонального свойства. Элемент случая и тем самым, игры все больше и больше выступает на первый план, по мере того как мы перемещаемся в более примитивное правосознание. Перед нами будто предстает сфера мышления, где понятие о решении, источниками которого могли быть предсказание оракула, божий суд, выпавший жребий, иными словами — игра (ибо непреложность решения вытекает лишь из правил игры), а вместе с ним и сам приговор, воспринимались еще как единое целое...

Битва до победы или поражения священна сама по себе. Если она вдохновляется формулируемыми понятиями справедливости и несправедливости, она восходит тем самым в правовую сферу; увиден-

ная же в свете положительных представлений о божественной власти, она восходит в сферу религии. Первичными же здесь являются формы игрового характера. Правовой спор, — это состязание (wedstrijd), во многих случаях — бег наперегонки (wedloop) или спор об заклад (weddenschap). Все снова и снова в наших рассуждениях вырывается на первый план такое чисто игровое понятие, как wedde [вознаграждение, приз]. Так, например, по правовым обычаям древних германцев, границу марки или земельного надела подчас устанавливали метанием топора или состязанием в беге. Или, скажем, обладание неким правом определялось тем, что кому-либо завязывали глаза и он касался то ли какого-нибудь предмета, то ли самого человека; брали также яйцо и катали его или вращали. Все это случаи, когда для определения права нужно помериться силами или сыграть на удачу. В арабском языке слово qara', то есть заклад, образовано от корня, означающего бросание жребия либо выигрыш при бросании жребия или стрельбе в цель.

Мы различаем всего три игровые формы судопроизводства: это игра на счастье, состязание или спор об заклад, словесный поединок. Этим последним и остается судоговорение по самой своей сути, даже после того как по мере развития культуры оно полностью или частично, по видимости или на самом деле, утратило свой игровой характер.